

УДК 159.943 : 316.772

АФФЕКТИВНЫЙ «ЗАРЯД» ТАКТИЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРАКЦИИ

А.А. Романов¹, Е.В. Малышева²

¹Национальный исследовательский Томский политехнический университет

²Тверская государственная сельскохозяйственная академия

Статья посвящена рассмотрению «аффективного» заряда тактильных действий в социальной интеракции, выступающего как деструктивный эмотивный раздражитель в процессе деструктивного эмотивного воздействия.

Ключевые слова: тактильные действия, «аффективный» заряд, социальная интеракция, адресат, инициатор, диалог.

*Каждое переживание и событие скрыто содержит
в себе возможность дальнейшего развития. Но
чтобы обнаружить это, необходимо почувствовать
неотчетливое ощущение данной возможности,
неясную грань переживания*

Ю. Джендлин

Изучение эмоциональной сферы личности в ее знаковом проявлении [5; 7] предполагает опору на выработанный в психолингвистике подход, в центре которого находится изучение языковой личности. Этот подход, опираясь на знаковые структуры, переходил к более фундаментальным факторам, детерминирующим особенностям знакового конструирования. При этом центральным качеством языковой личности выступала совокупность способностей к созданию и восприятию вербальных и невербальных единиц диалога (в частности, деструктивных вербально-тактильных эмотивов), различающихся по степени и глубине отражения действительности [2, с. 245]. Поэтому, как правило, языковая личность и изучается с двух позиций, а именно с позиции ее идеолектных, т.е. индивидуальных особенностей, и с позиций воспроизводства культурного прототипа [1].

Отметим, что стремление выявить взаимосвязь, а может быть, и определенную закономерность между аффективным состоянием и его лингвистической проекцией (в виде аффицированного, т. е. задетого аффектом вербально-тактильного действия) языковой личности обуславливает использование её (т.е. проекции) трех основных параметров, в которых можно измерять названные проявления, а именно: *лексикона, логико-содержательной структуры и коммуниката*, иначе говоря, такой ситуации коммуникативного

взаимодействия, где в структуре какого-либо конкретного - инициативного или адресатного - комплексного вербально-тактильного коммуникативного акта [6; 7] используются агрессивные эмотивы в качестве вербально-тактильного раздражителя для одного из участников такого взаимодействия, например: «*Oh, you think you're mighty smart, DON'T you? I could lick you with one hand tied behind me, if I wanted to*». «*Well why don't you DO it? You SAY you can do it*». «*Well I WILL, if you fool with me*». «*...And more eying and sidling around each other. Presently they were shoulder to shoulder*». (Twain, 2004, с. 12).

В этой связи необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемом случае аффицирование, по Э. Гуссерлю, не связано в обязательном порядке только с эмоциями и не сводится только к сфере аффекта, а трактуется как «возбуждение, соразмерное сознанию, специфическое притяжение, которое создаваемый предмет оказывает на Я». При этом уточняется, что обычно «аффицирование означает простой *факт ощущения эффекта*, вызванного чем-либо, причем неважно, относится ли в силу этого данный эффект к аффективному или когнитивному порядку» [3, с. 133]. Таким образом, утверждает А.С. Козырева, аффицирование обозначает в определенном смысле «качественный аспект импрессиональной сферы сознания, которому всегда соответствует тот или иной уровень воздействия, благодаря которой выделяются на фоне остальных наиболее сильные впечатления. Именно аффективная сила (*affektive Kraft*) ответственна за то, чтобы различные «аффективные тенденции» могли достичь внимания и стать осознанными» [3, с. 133].

Описание символов, порожденных воздействием эмотивного агрессивного «заряда» тактильных действий в структуре комплексного коммуникативного акта, позволяет получить доминирующие образы, сигнализирующие о скрытой мотивации, аффективных комплексов на основе анализа символов и образов, например: «*So*» *she said, looking at Rita, and coming toward her quickly and angrily, «you'll steal my husband, will you? You'll live in a secret apartment, will you? You'll come here smiling and lying to me, will you? You beast! You cat! You prostitute! I'll show you now! You tow-headed beast! I know you now for what you are! I'll teach you once for all! Take that, and that, and that!»* «*Suiting action to word, Aileen had descended upon her whirlwind, animal fashion, striking, scratching, choking, tearing her visitor's hat from her head, ripping the laces from her neck, beating her in the face, and clutching*» *violently at her hair and throat to choke and mar her beauty if she could* (Dreiser, 1957, с. 162). В таком случае в представлении говорящего индивида также различаются уровень *лексикона* и уровень *тезауруса*. Последний именно и трактуется как научный (а не обыденный), т. е. рефлексивный (или просто *тезаурус*) уровень.

С этих позиций приобретаемое (получаемое, порождаемое в результате акта рефлексии) *коннотативное значение* в вербально-тактильных реакциях и сигнализирует о скрывающихся за этими компонентами оценочно-эмотивных значениях, например: *В это время из подъезда выбежал огромный лакей в ливрейном фраке нараспашку, с аксельбантами и в штиблетах. Он подошел к казачку, дал ему сначала оплеуху, потом назвал дураком. - Что вы, Матвей Моисеич, за что это? - сказал озадаченный и сконфуженный казачок, придерживаясь за щеку и судорожно мигая. - А! Ты еще разговаривать? - отвечал лакей. - Я за тобой по всему дому бегаю, а ты здесь! Он взял его одной рукой за волосы, нагнул ему голову и три раза методически, ровно и медленно, ударил его по шее кулаком (Гончаров, 1983, с. 180).*

Примечательно, что степень дифференцированности образа косвенно несет информацию об «артикулированности индивидуального стиля ... Люди с высокой степенью дифференциации лучше владеют эмоциями, склонны отстаивать свою точку зрения, несмотря на авторитеты» [10].

В социальной интеракции, когда она осуществляется при помощи коммуникатов (в традиции чешских функционалистов), находят отражение как внешние условия общения, так и объективируемый внутренний мир человека. При этом даже сам выбор или предпочтение тех или иных вербально-тактильных средств диалогического взаимодействия для совершения того или иного типа деструктивного агрессивного воздействия может сигнализировать о более глубоких иерархических уровнях индивидуальности (о характере, темпераменте, установках, когнитивном стиле), например: *«What `d you do?» I said. «Give her the time in Ed Banky`s goddam car?» My voice was shaking something awful. «What a thing to say. Want me to wash your mouth out of soap?» «Did you?» «That`s a professional secret, buddy» This next I don`t remember so hot. All I know is I got up from the bed, like I was going down to the can or something, and then I tried to sock him ... right smack in the toothbrush, so it would split his goddam throat open. Only, I missed. ... All I did was sort of get him on the side of the head or something. ...Anyway, the next thing I knew, I was on the goddam floor and he was sitting on me, with his faced red. That is, he had his goddam knees on my chest ... He had hold of my wrists, too, so I couldn`t take another soak at him. «You don`t even know if her first name is Jane or Jean, ya goddam moron!» «Now, shut up, Holden... If you don`t shut up, i`m gonna slam ya one» (Salinger, 2005, с. 48–49).*

Интересно заметить, что эмоционально-аффективная сфера личности проявляется на уровне таких агрессивных эмотивных практик, где находят выражение образы и символы. При этом «образ символичен

по своему существу и по самой своей структуре ... нельзя упразднить его символическую функцию, не разрушив при этом его самого ... образ возникает как воплощение неотрефлексированной мысли» [12, с. 182]. Следовательно, понятию образа в когнитивном подходе к интерпретации личности придается особенно важное значение. Образ представляет собой тот мир, в котором разворачивается опыт индивида как говорящего субъекта и когнитивного агента. Примечательно, что у К.Г. Юнга образ рассматривался как первичный феномен, как автономная активность души, способная как к созданию, так и к воспроизведению. Следуя за З. Фрейдом, К.Г. Юнг расширил понимание «человеческого субъекта», включив в него бессознательные психические процессы. По его мнению, специфическое содержание сознательного опыта уже «переварено», архетипически структурировано согласно категориям человеческой психики, и это делает опыт значимым для нас самих и для других людей.

Как отмечал П. Крюгер, у Юнга «переживание реальности – это следствие способности психики создавать образы. Внутренний и внешний мир человека соединяются в психических образах, давая жизненно важное ощущение связи с обоими мирами». К. Юнг, отдавая образу роль промежуточного звена между субъектом и объектом, открыл новую перспективу понимания образа и его функции в создании нашего чувства психической реальности [16]. Тогда как традиционно образ понимался в «стимульной парадигме», как результат отражения, т.е. акцент делался на отражательные процессы в образе, в парадигме «активного подстраивания» образ уже был результатом процесса проверки перцептивных гипотез [14].

Идеи К. Юнга нашли свое продолжение в имагогике А. Менегетти. С его точки зрения, бессознательное является не обиталищем извращений, заблуждений или диких инстинктов, а основой порядка, благодаря которому мы обретаем реальность. Поэтому «образы, открывающиеся человеку в процессе имагогики, представляют собой энергетические конфигурации, единицы реальности» [8, с. 233].

Такая интерпретация образа представляется весьма подходящей для изучения «аффективного» заряда тактильных действий в диалоге, так как различные (в том числе и эмоциональные) состояния участников социальной интеракции не просто обусловлены ситуативностью, а также составляют часть устойчивых качеств личности говорящих субъектов и когнитивных агентов, например: *Генерал Кутятин обошел молодого финансиста со всех сторон и сел на место следователя и еще раз внимательно перечитал протокол. – Ну что же, Дмитрий Иванович, сотрудничаем со следствием? Так? – Мережко кивнул. – «Угрожал мне, я не могу понять почему», – процитировал генерал показания. – Не такой дурак Войнин, чтобы угрожать, непонятно за*

что. Ты же знаешь, где деньги. - Мережко отрицательно покачал головой. Кутятин сгреб его за галстук. – Слушай, коммерсант, – сказал генерал, – сегодня, по твоему заявлению, мы приняли Войнина. Ты мне продолжаешь врать (Латынина, 2006, с. 179–180).

Реальность образов, как полагает А. Менегетти, представляет собой не только фигуральный конденсат происходящего, например передаваемого кому-то через чье-то присутствие. Реальность образов есть также и то, что скрыто в мире шизофрении, галлюцинаций, фантазий, ребяческих мечтаний, творческих способностей, парапсихологических и патологических проявлений, экстаза, религиозных видений, вдохновения и даже чисто ассоциаций [8, с. 236].

Важно отметить, что в концепции А. Менегетти семантическое поле уже получает иное прочтение, а именно: *оно понимается как направление информации от бессознательного к сознательному*. Этим указанный подход отличается от концепции Й. Трира, для которого поле составляло лишь промежуточную область между отдельным словом и всем лексическим богатством некоего детерминированного синхронного состояния. Будет не лишним напомнить, что индивидуальные особенности пользователя языка учитывались еще представителями логической семантики, в частности Л. Витгенштейном (ср. его работу «О достоверности»), которого уже интересовал психоаналитический аспект индивидуальных особенностей пользователя языка, т.е. его способность увидеть за символом интенцию психоиндивидуального гештальта (ср.: понятие «фигура на фоне»).

Другими словами, уместно говорить о *функциональной силе* («воздействующем заряде», по А.А. Романову, в частности «аффективном» заряде), которая «расширяет лингвистическую сферу для вложения эмоциональной сверхнагрузки, непосредственной разрядке которой препятствует внутренняя цензура» [8, с. 238]. Безусловно, этот факт является определяющим в содержании символов, суть которых представляется как выражение переживаний глубинных структур средствами, данными человеку его природой, и через которые и удастся выявлять исследователю скрытое от самого реципиента аффективное состояние. Более того, механизм такого состояния базируется на том принципе, что категория аффективного в речи имеет совершенно иные способы выражения, а это значит, что как только партнер по диалогу совершает вербально-тактильное действие, например, «толкает», «ударяет», «бьет» (с отрицательным значением), т.е. осуществляется рефлексия (происходит процесс рефлексии) своего состояния, такое комплексное действие уже не свидетельствует о переживаемом состоянии. Заметим, что любое прикосновение, по Аристотелю, есть (постигается как) «первочувство»

и потому становится изначальным ощущением соприкосновения между «внутри» и «вне», плотью и духом, мной и другим [3, с. 205].

Как отмечал Э. Сепир [13, с. 205–206], «когда происходит утрата эмоциональности, символ становится сообщением о гневе как таковом и подготовительной ступенью к чему-то вроде языка».

Согласно атрибутивной теории эмоций, люди часто интерпретируют один и тот же эмоциональный процесс по-разному, потому, что рассматривают его под разными углами зрения, а вовсе не потому, что коренным образом отличаются друг от друга. С точки зрения этой теории эмоциональные переживания и поведение собеседников зависят от умозаключений, которые мы формируем по поводу причин своего физиологического возбуждения.

В свою очередь, дифференциальная теория эмоций вносит вклад в понимание аффективно-когнитивных структур, которые образуются в результате повторяющегося взаимодействия отдельного аффекта или комплекса аффектов с некоторым набором или конфигурацией знаний.

Важным также оказывается и положение представителя психодинамической модели личности Ж. Лакана о роли бессознательного в диалогической интеракции, в которой он отмечает, что комбинаторная сила в языке организует двусмысленность [4, с. 39], в которой соотношение «аффективного» заряда тактильных действий в диалоге и «аффективного» состояния его участников и позволяет выявить скрытое от реципиента агрессивное воздействие. Это положение, однако, касается в большей степени тех, у кого аффективный комплекс является устойчивым, ибо чем сильнее аффективный заряд, тем больше он приводит к искажению умозаключений и объективных представлений.

При этом важно иметь в виду, что создание и репрезентация символов (исходной формы) происходит не потому, что человек это делает специально и преднамеренно, а потому, что они создаются спонтанно в силу природных качеств психической реальности индивида, находящегося под воздействием агрессивного «заряда» мотива, например: *Направившись в горницу, Андрей услышал из сеней девичьи причитания, крик хозяйки и урезонивающий голос Игнатенка. Андрей распахнул дверь: - В чем тут у вас? - Опухшая от слез курносая хозяйская дочь ревела белугой, прислонясь к двери. Возле нее металась и кудахтали мать, а Игнатенок, весь красный, смущенно улыбаясь, тянул девку за подол. - Ты чего тут?! - Андрей, не разобрав, в чем дело, задохнулся от гнева, с силой толкнул Игнатенка. Тот упал на спину, задрав длинные ноги в валяных опорах. - Тут кругом политика! Наступление на врага, а ты девок по углам лапаешь?! А под суд за... - Да ты постой, погоди! - Игнатенок испуганно вскочил с пола. - На кой она мне... снилась(4)* (Шолохов, 1977, с. 58)!

Любопытно, что в рамках социальной интеракции символическая репрезентация эмотивного заряда (в частности, в рамках комплексного вербально-тактильного коммуникативного акта) агрессивного дискурса представлена тремя взаимосвязанными факторами - депрессивностью, невротичностью и непосредственно самой агрессивностью. Невротичность как эмоциональное состояние характеризуется неустойчивостью, тревогой, низкой самооценкой и низким самоуважением. Невротичность выступает наиболее общей формой (метафактом) по отношению к агрессивности и депрессивности. Принципиальные положения невротичности личности, разработанные К. Хорни [15] в рамках социокультурной теории личности, сводятся к тому, что в основе невротичности личности лежат понятие базальной тревоги и определенные стратегии защиты от данной формы переживания, а это значит, что в ментальном пространстве реципиента (т.е. объекта агрессивного деструктивного вербально-тактильного воздействия) такие значения, как, *смерть, угроза, потеря*, могут создавать появление у него кризисные и стрессовые ситуации, в которых участник диалога не отдает себе отчет в совершенных действиях, например: *Замри, - жестко сказал Алексей, и я замерла. Он присел на корточки и ткнул во что-то пальцем. Лично я смогла разглядеть только пивную банку, на вид пустую и совершенно безобидную. Алексей выпрямился, схватил меня за руку и рывкнул: - Бежим! Растерявшись от неожиданности, я побежала* (Полякова, 1999, с. 117).

Вполне очевидно, что содержательные признаки агрессивности как эмоционального состояния партнеров по диалогу в вербально-невербальных проявлениях раскрываются в процессе деструктивного эмотивного воздействия, когда адресат, оценивая семантический объем конкретного вербально-тактильного раздражителя, усматривает в нем такие признаки, как тенденцию к доминантности, подавлению, абсолютному эгоцентризму, враждебности, равнодушию, например: *Замолчи, - нула я его в бок кулаком* (Полякова, 2000, с. 174). При этом специфика аффективного заряда агрессивного воздействия проявляется в ее двуплановости: для инициатора диалогического взаимодействия она представляет собой способ вербально-тактильной компенсации самоотношения к участникам диалога, а для адресата такого комплексного воздействия она находит свое выражение в символическом пространстве психической реальности как подавление части самого себя.

Таким образом, «аффективный» заряд тактильных действий в социальной интеракции, рассматриваемый как деструктивный эмотивный раздражитель, вызывает не только отрицательные (негативные, т. е. с отрицательной оценкой) эмоциональные состояния

партнеров по диалогу, но и выступает в качестве внешнего фактора дезорганизации деятельности участников диалогического взаимодействия, благодаря которому могут применяться поспешные решения и выводы, влияющие на процесс ведения диалога с учетом потери принципа искренности, а также нарушения кодекса «доверия», по А.А. Романову [9, с. 59–63].

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
3. Козырева А.С. Интенсивность аффективной силы между воспоминанием и повторением в феноменологии Э. Гуссерля // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 131–138.
4. Кристева Ю. Об аффекте или «интенсивной глубине слов» // Логос. 2011. № 1 (80). С. 192–207.
5. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. 101 с.
6. Малышева Е.В. Кинестетическое значение авербальных действий в иллокутивной структуре речевого акта // Электрон. науч. журн. «Мир лингвистики и коммуникации». Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2010. № 2 (19). URL: <http://tverlingua.ru>
7. Малышева Е.В. Фреймовая организация вербально-кинестетического взаимодействия партнеров по диалогу // Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. 1–2 апр. 2011 г. Тверь: Твер. Гос. Ун-т. 2011. С. 155–165.
8. Малышева Е., Романов А. Тактильная коммуникация в диалоге (вербально-кинестетический аспект). Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing. 2012. 170 p.
9. Менегетти А. Образ и бессознательное: учеб. пособие по интерпретации образов и сновидений: пер. с итал. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2000. 448 с.
10. Моросанова В.И., Гаралёва М.Д. Индивидуальные особенности и саморегуляция агрессивного поведения // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 45–55.
11. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.

12. Романов А.А., Костяев А.П. Агрессивный дискурс в профессиональной коммуникации. М.: Ин-т языкознания РАН: Твер. гос. ун-т, 2011. 310 с.
13. Сартр Жан-Поль. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Питер, 2001. 432 с.
14. Сепир Э. Речь как черта личности // Избран. тр. по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 285–297.
15. Смирнов С.Д. Психология образа: Проблема активности психического отражения. М.: Изд-во МГУ, 1985. 168 с.
16. Хорни К. Наши внутренние конфликты // Психология личности: хрестоматия. Самара: Изд. дом «Бахрах», 1999. С. 191–232.
17. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
18. Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.: Питер, 1995. 475 с.

AFFECTIVE "CHARGE" OF TACTILE ACTIONS IN SOCIAL INTERACTION

A.A. Romanov¹, E.V. Malysheva²

¹National Research Tomsk Polytechnical University

²Tver State Agricultural Academy

Article devoted to the "affective" charge of tactile actions in the social interaction, which acts as a destructive emotive irritant in the process of destructive emotive effect.

Keywords: *tactile actions, "affective" charge, social interaction, addressee, initiator, dialogue.*

Об авторах:

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета, e-mail: abtgsha@dep.tver.ru

МАЛЫШЕВА Екатерина Валерьевна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, e-mail: foreign@tvcom.ru